

МАРИЯ ШЕБАТЕНЦ

Кодре и тайны
Книгоре

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бей)-5
ШЗ6

Серия «Фантастика и фэнтези»
основана в 2022 году

Шебанец, М. Р.

ШЗ6 Кофе и тайны Книфе : роман / Мария Шебанец. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 236 с. — (Серия «Фантастика и фэнтези»).
ISBN 978-985-581-665-3.

Странное кафе появилось в городе. Кто его хозяева? И почему сотрудников «приглашают» на работу через зеркало? Первым в «плёну» оказывается усталый переводчик-фрилансер, за ним попадают под чары сердитая девчонка из колледжа и отличник-выпускник, всегда улыбающийся до ушей. Что ждёт их в этих стенах — злая насмешка или подарок судьбы? И можно ли силами троих одолеть магическую бюрократию? И надо ли? Кто знает, в какие миры может завести попытка спасти невозможное...

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бей)-5

ISBN 978-985-581-665-3

© Шебанец М. Р., 2024
© Андреева И. А., логотип серии, 2022
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

Глава первая

ЗЕРКАЛО

Голова кружилась. Тишина пьянила. На коже поднимались волоски.

Заземлиться. Срочно!

Как там по науке? Читал же у психологов! Так-так-так, кажется, вспомнил. «Осмотреться и назвать предметы вокруг». Ладно, что тут у нас...

Дверь. Стол с ноутбуком. Диван с моей оцепенелой тушкой. Трюмо в углу — наследство от матери и матери её матери. В зеркале трюмо — край проёма, залитого отборнейшим мраком с парящими светляками окон. После лёгкого наклона вперёд в отражении появился книжный шкаф во всю стену, а за ним — снова дверь. Мир сделал круг и вернулся на место.

Отупевший от зимней хандры разум прояснился, и я ухватился за новую тему. «Видишь ли, Лар, — сказал я себе, — дверь — это идеальный символ. Рождение и смерть, встреча и расставание, рабство и свобода — что угодно можно описать с его помощью».

Я придвинулся к зеркалу, так что дверь уместилась в нём полностью. Смотреть на неё в отражении было неожиданно приятно.

— А ты красивая, — зачем-то заявил я ей. — Мне нравится, что ручка у тебя теперь справа, а не слева. И мой корявый рисунок теперь очень даже ничего.

Рисунок был моей попыткой превратить дверь во Врата — и сносным заменителем грязного стекла, занавешенного покрывалом. Художник я, конечно, так себе, так что, долго не думая, угробил банку чёрной гуаши на фон, а поверх изобразил белую арку. Кракозябры по её контуру должны были символизировать иномирность Врат.

Иногда я позволял себе представить, что стоит открыть дверь — и за ней окажется место, где я буду счастлив.

Продолжая разглядывать зазеркальную копию двери, я залюбовался белыми лианами, обвивающими столбы арки. Они были чудо как хороши, словно оставленный в моём рисунке намёк наконец получил развитие.

«Как странно работает мозг, — думал я. — Ведь стоит обернуться к той, первой, двери — и всё волшебство пропадёт».

Я не хотел, чтобы пропадало. Только не сегодня. И потому смотрел, смотрел, не отрываясь, вглубь зеркала.

И тогда ручка двери повернулась.

Так начались эти игры. Когда наваливались тоска и усталость, а необходимость жить становилась невыносимой, я доползал до зеркала и вглядывался в его глубины.

Сначала, конечно, никаких глубин не было. Только дверь с нарисованной аркой, которую я упорно именовал Вратами. Иногда рисунок вздрагивал, будто за ним кто-то прошёл. Шагов я, конечно, не слышал. Иногда ручка снова поворачивалась, и я со смесью ужаса и надежды ждал, что дверь откроется. Но этого не происходило.

Не знаю, как долго бы всё так оставалось, если бы не моя рассеянность. В тот вечер я каким-то чудом сдал переводы уже к восьми вечера, и это было отличным поводом соорудить что-то похожее на ужин.

В процессе фигурировали пачка сосисок, макароны, огурец и пакетик «Эрл Грея». Гордый собой, я отправился к родному ноутбуку с тарелкой в одной руке, дымящейся кружкой в другой и телефоном в зубах. Через полчаса, сытый и довольный, переполз с кресла в кровать. По привычке глянул в зеркало — и замер.

Дверь. Я забыл её закрыть. Зачем мне это нужно в пустой квартире — дело десятое, но раньше дверь была закрыта всегда.

Тёмный прямоугольник коридора выглядел знакомо и немного странно, как и всё в зеркале. Неизменный пакет с пакетами, берцы и пальто жались к левой стене, а не к правой. По освещённой части пола пробежала тень. Мне обдало холодом, но я напомнил себе, что

обитатели зазеркальной квартиры до сих пор вели себя более чем скромно, и усилием воли остался на месте.

Так у зеркала появилась глубина. Как житель Платоновой пещеры, я наблюдал за теньями и думал об удивительном мире, навсегда отделённом от меня прозрачным стеклом. Конечно, я понимал, что всё это игра воображения, а может, и первые подвижки крыши, но плевать я хотел на крышу с её покатушками. Зеркало помогало смириться с существованием, и этого было достаточно.

Забавно, что я даже стал лучше работать и отхватил несколько приятных бонусов, не вставая из-за компьютера. Жизнь налаживалась.

Очередным вечером я привычно уставился в зеркало и не сразу осознал, что здесь не так. А когда понял, от удивления нарушил собственное правило и оглянулся на прихожую. Снова посмотрел в зеркало, моё сердце поставило рекорд по громкости стука.

На полу зазеркальной прихожей лежала записка. На полу моей прихожей ничего не было.

Что в такой ситуации делают книжные герои? Наверное, бросаются навстречу приключениям с гиканьем и задором. Лично я минут пять просидел на диване, обхватив себя руками и невидяще глядя вперёд, как в те утра, когда экзистенциальный кризис накрывает между первым и вторым носком. Наконец набрался смелости и подобрался к зеркалу поближе. Там, на освещённом прямоугольнике пола, лежал сложенный пополам лист офисной бумаги. Чёрным маркером на нём были выведены крупные печатные буквы.

Сначала я ничего не понял, но вспомнил о детских забавах с шифровкой текста через зеркало и полез в рюкзак. Откопать карманное зеркальце ватными руками оказалось нелегко, но я справился. Умоляя пальцы не дрожать, навёл зеркальце на записку и наконец прочёл:

ДОРОГОЙ СОСЕД!

**МЫ ЕСТЬ ГОРДЫ ПРИГЛАСИТЬ ТЕБЯ В НОВОЕ КНИФЕ.
АДРЕС: ПЕШЕХОДНАЯ, 8. ЛЮБОЙ ДЕНЬ И ЛЮБОЕ ВРЕМЯ
С 11 ДО 23. МЫ БУДЕМ РАДЫ ВСТРЕТИТЬ ТЕБЯ!**

ТЭД И ТРУДИ

Когда приступ шока прошёл, я молча забил в заметки телефона адрес и время работы. Спокойно. Меня пригласили в кафе или как его там. А кто и откуда, я пока запретил себе думать, чтобы не взорвалась голова. Она уже начинала закипать и наливалась чугунной тяжестью.

Непонятно было, как после увиденного успокоиться и уснуть. Я осторожно подошёл к двери и закрыл её. Зазеркальная дверь закрылась тоже — никаких отличий. Пощёлкал выключателями — больше света! — и распахнул балконную дверь, разгоня мысли холодным, но почти весенним воздухом. Голову начало отпускать. Сквозняк — великое дело.

Наверное, мне просто нужно было прогуляться. В сторону Пешеходной. Как-нибудь на недельке.

Спал я в эту ночь со светом.

КАФЕ

Я нечасто выхожу из дома — наверное, поэтому город всегда кажется частью сна. К тому же пятница оказалась едва ли не первым солнечным днём года. Ноль на градуснике, мартовский живой свет и сочно-голубое небо, как в детских книжках. После долгих месяцев зимнего мрака поверить в реальность происходящего не было никаких шансов.

А когда ты во сне, всё совсем по-другому. И потому я плыл по полурастаявшему городу, всем телом ощущая истончённость материи, сквозь которую сквозило составляющее её волшебство. Как давно я не испытывал этого! История, фантазия, сюжет — они были повсюду. Какую службу несёт чёрно-белый кот на остановке? Какие приключения случаются в комнате с маленьким деревцем на окне? Куда торопится смешной ворчащий под нос старик?

Линии, спирали, переплетения рассекали пространство, маскируясь под солнечные лучи и их отражения. Я знал, что здесь и сейчас всё возможно, всё мне подвластно.

И так же непреложно было знание о конечности всевластия. Ведь оно существует только пока я иду из пункта А в пункт Б. Потом исчезает вместе с восхитительным знанием истинной структуры

мира, чтобы не возвращаться годами. И я никому не расскажу ни одной из живущих в этом мгновении историй.

Я мысленно дал себе подзатыльник, встряхнулся и побежал к моргающему светофору. Потом, всё потом. Не смей портить волшебство!

Пустой город был великолепен. Именно поэтому я выбрал рабочее время и будний день — время свободы от людских потоков. Тесные прежде тротуары сейчас наливались пустотой, набухали пространством, дышали светом. Набирали воздуха в грудь дома, разгоняли сок по стволам деревьев, лениво потягиваясь навстречу первому солнцу.

Я воровато оглянулся и пересёк пустую площадь вприпрыжку. Лысая статуя озадаченно посмотрела под ноги и отвернулась. Вот и славно.

Проскользнув с площади в исток улицы, я огляделся. Пешеходная должна идти в сторону вокзала — да вот и она, надо только найти табличку с номером дома и сообразить, куда направиться дальше.

Пешеходная. С названием улиц тут не заморачивались. Ну да, машины не ездят — значит, Пешеходная. Была бы поближе к центру — как пить дать, окрестили бы Центральной. А окажись в два раза шире — стала бы Большой. Впрочем, в этом гораздо больше смысла, чем в чужих фамилиях и забытых терминах. А ведь бывают ещё улицы Тихие, Зелёные, Светлые! Попадаешь на такую — и вдруг становится легко и радостно. И начинаешь шагать тише, оглядываться в поисках зелени или щуриться от солнца с особым удовольствием.

Табличка обнаружилась на шершавом боку здания справа. Дом четыре, дом шесть... А вот и восьмой! И им оказалась простая пятиэтажка с разорившимся магазином на первом этаже. Кажется, я всё-таки выдумал это приглашение. Приснилось оно мне, что ли? Там ещё слово такое странное было, незнакомое. А что, запросто ведь мог спросонья вскочить и записать, как тот бездарный стишок...

Ну, зато книжный как раз напротив. Уже за это я был готов благодарить свою галлюцинацию. Даже если всё сочинило моё разбуянившееся воображение, тому, кто или что приводит в святилище книголюбов, я рад всегда. Может, в этом и была задумка моего

бессознательного? Наплести небылиц, потянуть хорошенько за косу, да и вытащить себя из болота — конечно же, вместе с лошадыю. В таком случае, оно неплохо справилось, это бессознательное. Десять из десяти.

Даже не пытаюсь убрать с лица идиотскую улыбку, я бродил по залу и поглаживал корешки книг, приветствуя старых знакомых. Здравствуй, Додо, абсурдный друг детства! Приветствую, Рональд... о, и Джек здесь, моё почтение! И даже Смерть на Королевской службе! Вижу вас как наяву, сэръ...

Я перебирал издания, разглядывал иллюстрации, взвешивал томики в руках и изучал обложки. Закон подлости в книгоманской версии: всегда найдётся издание ещё полнее и красивее, чем то, что ты так долго выбирал в свою библиотеку. По счастью, оно ещё и стоять будет как небольшой самолёт, так что можно уговорить себя потерпеть и не тащить его на кассу. Пока. Пока не накопишь.

Под строгим надзором дамы в очках я кружил по магазину, подбираясь к букинистическому стенду — извечному финалу книжных странствий. Именно здесь можно обнаружить самые неожиданные книги по копеечным ценам. Азарт искателя сокровищ, ожидание чуда, игра то ли в Митрандира в библиотеке, то ли в бородатого археолога на раскопе... И лучший способ уговорить внутреннюю жабу хоть немного ослабить хватку.

Час спустя я всё-таки изгнал себя из рая. Наверное, смотрелось здорово: бродяга в чёрном пальто шлёпает по снежной каше, блаженно прижимая к груди сборник литературоведческих статей. Держать себя в руках невозможно — губы всё равно предательски разъезжаются, а расфокусированный взгляд замечает только глупые, но радостные мелочи: чью-то ярко-розовую шапку с помпоном, силуэт счастливого человека, ещё только входящего в книжный, отражение вывески кафе в витрине...

Кафе? Я снова обернулся к бывшему магазину. Его облезлая вывеска была на месте, но над ней осторожно цеплялась за стену другая, небольшая и явно временная. Неровные буквы складывались в странное слово «КНИФЕ».

Мне не приснилось.

ЧАЕПИТИЕ

Окна бывшего продуктового были всё такими же безжизненными, но расписание на двери совпадало с указанным в записке. Я помялся на крыльце, спрятал книгу в рюкзак и потянул дверь на себя.

Кто-то неплохо постарался, чтобы превратить унылый торговый зал в несколько уютных ниш со столиками и диванчиками. Затемнённые стёкла создавали мягкий полумрак, несмотря на весеннее безумие солнца.

Неловко озираясь, я побрёл к барной стойке в конце зала. Похоже, не только я не заметил новую вывеску. За столиками было пусто. Я оказался единственным посетителем заведения. Забавно они клиентов приглашают, нечего сказать.

— Хеллоу, сосед! — из-за стойки на меня доброжелательно смотрел пожилой мужчина. — Хорошо встретить тебя!

Он повернулся к приоткрытой двери на кухню и позвал:

— Труди, гость здесь! Неси чай скорее!

Обернувшись ко мне, бармен развёл руками:

— Мы собираемся иметь чаепитие. Если ты не хочешь вино, конечно. Впрочем, его нет всё равно. А вот и Труди!

Впав в оцепенение, я наблюдал за немолодой кудрявой женщиной, которая водрузила на стойку огромный керамический чайник с вычурными узорами. Из его носика струился ароматный пар.

— Готов отчаяться, дорогой? — с сочувствием проговорила Труди, разглядывая мою физиономию. — погоди, придержи мысли. Потихоньку разберёшься, не всё сразу. — Она говорила по-нашему намного лучше Тэда, оставался лишь слабый акцент. Он объяснял их нездешние имена — и только это.

На стойке появились три фарфоровых чашки, и хозяйка ловко разлила по ним горячую янтарную жидкость. Бросив в чашки себе и Тэду по паре кусков сахара, она вопросительно взглянула на меня.

— Один, не люблю слишком сладкий, — на автомате отозвался я.

Одинокий кубик послушно совершил суицид в кипятке, и я развеял его останки ложкой.

Об авторе

Мария Шебанец

Страстный читатель с 4-х лет. А виноваты во всём те самые «Братья Grimm» в зелёной обложке. После того как была проглочена небольшая домашняя библиотека, перешла в наступление на Молодечненскую центральную районную имени М. Богдановича, закусывая семисотстраничными томиками Александра Дюма из школьной. А позже появи-

вились электронные библиотеки...

Накопленные книжные восторги и жажда волшебства в обычной жизни неизбежно должны были иметь последствия. Первые стихи, прозаические зарисовки и рассказы написаны в 12 лет, за ними — стихотворные переводы и авторская песня. И, наконец, публикации в газетах и журналах («Малодосць», «Полымя»), коллективных сборниках творческих объединений и фестивалей.

Сегодня в библиографии автора — сборник стихов «Таямніца», два сборника стихов и рассказов «Эхо» и «Паутина», а также книга фолк-фэнтези по мотивам белорусского бестиария «Пасланцы Цмока».

История «Кофе и тайны Книфе» началась в трудный период жизни с простой полудневниковой записи. Но что-то пошло не так, и спустя несколько лет на старый черновик заявили свои права чудеса.

Оглавление

Глава первая	3
Глава вторая	18
Глава третья	32
Глава четвёртая	51
Глава пятая	70
Глава шестая	87
Глава седьмая	103
Глава восьмая	124
Глава девятая	144
Глава десятая	166
Глава одиннадцатая	187
Глава двенадцатая	212
<i>Об авторе</i>	234